

Режиссер не должен думать о кассе

У него другая профессия

Общая газета, - 2002, - 31 янв., - с. 10

Возможно, новое театральное пространство сегодня рождается в провинции. И там же появляются новые концепции, чем-то напоминающие добрые старые. Самый молодой в России художественный руководитель академического театра работает в саратовском Академическом театре драмы. **Антон КУЗНЕЦОВ** считает театр совестью государства и общества. Со старомодным упрямством он утверждает, что театр обязан воспитывать зрителя. А государство должно его за это кормить. Мысль о бессовестности государства Антон Валерьевич отвергает. И воплощает свою гражданскую идею в экспериментах, воспринимаемых многими как чистое эстетство, в связи с чем постоянно воюет с директором театра.

Антон Кузнецов — выпускник Академии театрального искусства Санкт-Петербурга (режиссерский курс Льва Додина). 8 лет жил во Франции. В парижском театре «Одеон» работал актером, ассистентом худрука и директора. Поставил два спектакля в московской «Табакерке». Нагруженный впечатлениями от встреч с Луисом Паскуалем, Жоржем Лаваданом, Питером Бруком, Стрелером и Люком Бонди, вернулся в родной Саратов, где в 31 год возглавил театр. Изменения, произошедшие здесь за 3 последних года, многие называют едва ли не революцией — полная смена репертуара, двухлетний французский сезон, продолжением которого станут гастроли во Франции весной нынешнего года.

— Вы имеете редкую возможность сравнивать русский и французский театр изнутри. Стоит ли впускать на русскую сцену французский дух?

— Русская модель театра — театр-дом, где живут несколько поколений актеров и зрителей. В России существует нормальная логика приобщения к театру. Мы начинаем ходить в кукольный театр, потом в ТЮЗ, потом в драму и оперу, вырастаем и ведем по этому кругу своих детей. Каждое поколение ищет в театре сценический эквивалент своего времени. Отсюда и семейность в русском театре, особенно в провинциальном. В маленьком городе зритель идет посмотреть не только конкретный спектакль, а любимого артиста, хочет взростить и стареть вместе с ним. Поэтому антреприза в провинции не может стать ведущей формой бытования театра. Кстати, во Франции это уже проходили, распускали трупы, приглашали вольных артистов. Но сейчас возвращаются к прежнему. И именно во Франции популярен абонемент — форма работы с постоянным зрителем, забытая в России.

— Каждый провинциальный театр так или иначе борется с антрепризой, хотя бы из финансовых соображений. Часто это делается с помощью экспериментов. Но хочет ли провинциальная, семейная публика видеть такие эксперименты на академической сцене, тем более саратовской, знаменитой 200-летней традицией?

— «Академический» — для меня не синоним консерватизма. Это уровень качества, знак серьезного погружения в любую тему. Академический театр — не музейный театр. Эксперименты — составная часть его двухвековых традиций.

Наш театр должен быть адекватен сегодняшнему времени, но не подчинен ему. Зрители во многом

таковы, какими мы хотим их видеть. Я вижу в них людей с богатым театральным опытом. Режиссер не должен ориентироваться на публику. Это служба организации зрителя должна уметь «продать» спектакль.

Я вообще удивляюсь, как к нам ходят. Я бы не пошел. Вокруг несколько остановок общественного транспорта, но ни одна из них не называется «Театр драмы». Наша реклама — фанерные щиты. Будучи в Париже, я бы вообще не зашел в такое здание.

— Аншлагов у вас пока нет. И касса, насколько я понимаю, стала одной из причин вашего конфликта с директором.

— Этот конфликт — не просто моя личная ссора с директором. Здесь сталкиваются две тенденции времени — производить и паразитировать. Меня оскорбляет то, что сегодня артист — последний человек в нашем театре. А я не могу ничего изменить, поскольку согласно уставу театра драмы худрук не имеет реальных полномочий. После работы в «Одеоне — Театре Европы» я просто ничего не понимаю. Я не буду карманным режиссером и не позволю превратить сцену в прокатную площадку для антрепризных спектаклей. Из-за этого, собственно, и началась настоящая война. А сборы — только предлог. Государственный театр не должен думать о кассе ни в одной стране мира. Он не оправдает себя кассой, пока ставит художественные задачи. В сегодняшнем обществе потребления забыли, что театр — мощный идеологический инструмент.

— Театр уже нес идеологию 70 лет. И куда же он ее принес?

— Раньше театр был маленьким отражением большой тоталитарной системы. И сам существовал по тоталитарному укладу. Я строю театр людей, личностей. Сегодня объединить их можно не столько художественным диктатом, сколько взаим-

ным уважением. А национальная идея, которую должен нести театр, в России всегда была и есть — человек должен оставаться человеком. Любовь к человеку в отдельно взятой стране — и есть гражданское общество. Актеры ближе к ощущению этого, чем остальные, поскольку они люди остро и сильно чувствующие.

— Но это уже ваша собственная идеология. Не думаю, что отстаивание приоритетов человеческого в человеке сегодня является идеологическим принципом государства.

— Государство — это мы. Не за деньгой же я вернулся в Россию. Здесь можно, сохраняя человеческое в себе, делать любимое дело. На этом основана российская культура. Конечно, сегодня некультурный чиновник даже на культурном посту не старается подняться до культурных высот, а стремится всех спустить на свой этаж.

Молодому человеку хочется не хапать, а что-то сделать, хотя бы потому, что его еще мало знают. У нас в спектакле танцуют студенты Академии госслужбы — ребята с очень оптимистическим мировосприятием. Они, 20-летние, уверен, будут строить государство, основанное на уважении к человеку, а

не на его использовании. Люди со старой ментальностью могут только играть в это. Ведь долгое пребывание во власти убивает человека.

— Вы сами делали попытку хождения во власть, баллотировались в городскую Думу. Зачем?

— В моем округе хотя бы узнали о Театре драмы и стали ходить к нам. Этого уже достаточно. Для победы нужно было слишком много времени и денег. В нашем обществе политика считается профессией. А это неправильно. Политика — часть общественного облика человека, и всё.

— А каково, по-вашему, то молодое поколение, которому в очередной раз надо открыть вездорогу?

— Я могу судить по своему актерско-режиссерскому курсу, который мы набрали полтора года назад с Григорием Аредаковым. Когда я поступал на театральный факультет в Саратове, конкурс был 40 человек на место. У Додина — 1000 человек. Сейчас среди девочек конкурс 15 — 20 человек. Среди мальчиков — 2,5. Когда мы учились, многое было нельзя, и мы чувствовали приобщение к особому клану людей, которые читают запрещенные книги и могут, пусть в скрытой форме, говорить правду. А 20-летние относятся

к этой работе гораздо спокойнее. При этом все они — серьезные труженики. Они хотят хорошо жить сегодня. Молодые — очень конкретные в этом смысле люди. Мы всегда жили для какого-то завтра. А они хотят сегодня есть, работать, путешествовать. 20-летние — не поколение потребления, в отличие от некоторых из своих старших коллег.

У молодого человека должно быть конфликтное мировосприятие. Он ничего еще сам здесь не сделал, а все, что сделали другие, уже начинает его раздражать. Это не агрессивное, а энергичное миропонимание.

Наше поколение было очень иерархично, подойти к любимому артисту и поблагодарить считалось невозможным. А сегодняшние молодые относятся к нам как к равным. И согласятся, чтобы театр их воспитывал, только если мы тоже будем говорить с ними на равных.

— Вас не пугает время, сценическим эквивалентом которого становятся произведения Славковского и Ерофеева?

— Вы о спектакле «Берендей»? Так неспроста у «Берендей» шесть авторов. Время настолько быстро меняется, что каждый из них в отдельности не может полностью отразить модель сегодняшней жизни. Внятная попытка сделать это есть в «Конкурсе» Галина. Но определяет мое мироощущение Шпаликов. «Долгая счастливая жизнь» — самый важный для меня спектакль в нашем репертуаре.

Главная опасность эпохи — превратиться в общество потребления. Я готов подписаться под словами Сатина «Человек выше сытости». Обуржуазивание — нормальный процесс. Но в нашей стране он связан с духовной деградацией.

— Какова в сегодняшнем времени роль театра?

— Надо понимать разницу между «служить театру» и «служить зрителю». Меня пугает, когда начинают служить зрителю. Я служу в театре и театру. Я — госслужащий. Я должен не служить зрителю, а воспитывать его.

В культурном государстве власть платит театру деньги, чтобы мы ее дергали, напоминали о человеческих приоритетах. Для чего же я здесь сижу — развлекать? Это не театр. Это уже не идеология. Театр не может существовать иначе как в оппозиции. Он видит больше, чем государство.

Чтобы говорить о роли театра в сегодняшнем времени, нужно для начала дать возможность молодому поколению этот театр создавать. Я который сезон работаю «вопреки». Вместе с бескорыстно преданными своему делу артистами. И совсем не убежден, что нам дадут работать дальше. Сколько вы знаете по России молодых худруков?

Беседовала
Надежда АНДРЕЕВА
Саратов

Кузнецов Антон
(режиссер)

31.01.02